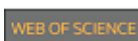

Фролова Н. С. Англоязычная поэзия Кении на рубеже веков : опыт прошлого и художественная трансформация / Н. С. Фролова // Научный диалог. — 2021. — № 2. — С. 259—275. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-259-275.

Frolova, N. S. (2021). Anglophone Poetry in Kenya at the Turn of the Century: Past Experience and Artistic Transformation. *Nauchnyi dialog*, 2: 259-275. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-259-275. (In Russ.).

УДК 821.111(676.2)+82-1

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-259-275

АНГЛОЯЗЫЧНАЯ ПОЭЗИЯ КЕНИИ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ: ОПЫТ ПРОШЛОГО И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

© Фролова Наталья Сергеевна (2021), orcid.org/0000-0003-3155-413X, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН) (Москва, Россия), samaki@mail.ru.

Рассматриваются основные тенденции развития англоязычной поэзии Кении рубежа XX—XXI веков. Основным материалом служат сборники стихов кенийских поэтов, впервые изданные в начале 2000-х годов. Особое внимание уделяется идейно-художественной трансформации в творчестве молодого поколения кенийских поэтов ключевых направлений развития кенийской англоязычной поэзии, сложившихся в первой половине XX века. Новизна исследования заключается в выводе о преемственности англоязычными кенийскими поэтами рубежа веков опыта поэтов старшего поколения, что выражается в освоении двух ключевых направлений развития кенийской англоязычной поэзии: социально-политического и философски-лирического. При этом в творчестве нового поколения кенийских авторов отмечаются принципиальная смена художественного метода и стиливая трансформация: в отличие от своих предшественников молодые кенийские поэты все больше тяготеют к использованию рифмы, выраженной иносказательности и образности, а также берут на вооружение ранее не опробованные приемы, например, использование элементов молодежной субкультуры. Привлечен новый материал, многие имена впервые вводятся в обиход отечественной и мировой африканистики.

Ключевые слова: англоязычная поэзия Кении; литература XXI века; поэзия протеста; обличительная поэзия; философская лирика; Ида Макоха-Нагайо; Нельсон Алула; Эрик Мванги; Каролин Ндериту; Капкирвок Джейсон.

1. Два направления развития кенийской англоязычной поэзии XX века

Кенийская поэзия на английском языке начинает развиваться во второй половине XX века. В период 60—70-х годов складываются основные направления кенийской англоязычной поэзии, обозначаются наиболее крупные авторы, ставшие впоследствии классиками кенийской литературы, среди которых особенно выделяются поэтесса Мисере Гитхэ Муго (род. 1944) и лирик Джаред Ангире (род. 1947). Творчество этих авторов

ярко характеризует два ключевых направления, сложившиеся в кенийской англофонной поэзии второй половины XX века: социально-политическое и философски-лирическое. Социально-политическая тематика, продиктованная серьезными политико-историческими преобразованиями, — одна из главных в творчестве кенийских поэтов 60—70-х годов XX века. Эта поэзия, как и проза, возникает и развивается как результат осмысления антиколониальной борьбы и подведения ее неутешительных итогов в виде клубка социальных, экономических и др. проблем, с которыми столкнулась Кения (как и другие африканские страны) в постколониальный период. Это поэзия, яростно обличающая язвы современного кенийского общества. В духе такой обличительной, протестной поэзии пишет упомянутая выше Мисере Муго в своем первом сборнике стихов «Дочь моего народа, пой!» [Mugo, 1969], кенийская поэтесса британского происхождения Марджори Олудхе Макгой [Macgoye, 1977]. Данному типу кенийской англоязычной поэзии противопоставляется философски-лирическая поэзия, представители которой — Дж. Ангира [Angira, 1970; Angira, 1972; Angira, 1973; Angira, 1979], Маури Ямбо [Yambo, 1976] и др. — отказываются от прямого обличения в пользу размышления, раздумья, рефлексии на тему антиколониального противостояния, противоречивой истории Кении и африканского континента в целом. Эта типологическая дихотомия сохраняется в творчестве кенийских англоязычных поэтов 80-х: агрессивный пессимизм поэзии Макуми Мвагиру [Mwagiru, 1980] разительно отличается от философских рефлексий Таиты Товита [Toweett, 1980].

В кенийской поэзии 60—80-х годов XX века нетрудно выделить ряд общих тем, к которым так или иначе обращается большинство поэтов этого периода — в первую очередь кенийских авторов волнуют исторические, социальные и политические вопросы, они вспоминают о временах колониализма, превратившего многих соотечественников в изгоев, отвергнутых Африкой и не принятых Европой, о поруганных идеалах и невыполненных обещаниях независимости, обернувшейся для кучки выскочек-политиканов несметными богатствами, для большинства же — нищетой и несправедливостью. Вечные проблемы также находят место в творчестве кенийских поэтов того времени: они пишут о несовершенстве человеческого мира, спорят с Богом, верят в торжество позитивного начала — созидательной сущности человека (высшим проявлением которой становится поэзия), любви, гармонии, царящей в африканской природе. В 90-е годы XX века в кенийскую англоязычную поэзию приходит новое поколение авторов, чье творчество знаменует не только невероятный подъем в кенийской литературе, связанный с последующим печатным бумом в Кении, но

и смену художественного сознания, продиктованную новой социальной и политической повесткой, принципиально новыми историческими предпосылками и культурными сдвигами, которые происходят в восточноафриканском социуме с середины 90-х и продолжаются в начале XXI века.

2. Оптимизм с примесью горечи: основные настроения кенийских поэтов 2000-х

В 2000 году в найробийском издательстве «East African Educational Publishers» выходит антология «Эхо в долине» [Luvai et al., 2000] из серии «Африканские поэты». Большую часть сборника составляют стихи молодых кенийских поэтов. Несмотря на возраст (большинству из них на момент публикации нет тридцати), их произведения отличает высокое художественное качество. Настроение стихов во многом определено самим возрастом авторов — молодежь, как правило, с оптимизмом смотрит в будущее, не забывая при этом принимать во внимание недостатки современного общества и непростое во всех отношениях прошлое своей страны. Так, надеждой проникнуты стихи поэтессы Иды Макоха-Накхайо (род. 1973). В стихотворении «Стабильный рост» (*Steady growth*) поэтесса в аллегорической форме говорит о друзьях, которые, подобно цветам, «озарили ее жизнь»:

они никогда не завянут
эти цветы, что растила я
ведь я долго их поливала
обрезала сухие листья
они никогда не завянут
ведь я долго искала
и нашла правду
они никогда не завянут
теперь я уверена в этом
ведь эти цветы — вы —
Друзья — вы жизнь озарили мою
вы никогда не уйдете
ведь то, что познала я
будет вечно цвести
(здесь и далее перевод мой. — Н. Ф.)
[Luvai et al., 2000, p. 48].

Поэтесса дорожит дружбой, друзья для нее — прихотливые цветы, которым нужен хороший уход, иными словами, дружба нуждается в проявле-

нии истинного чувства, как растение в поливке. Слово *Friends* (Друзья) — единственное, написанное с большой буквы; даже местоимение *I* (я) Ида вопреки правилам английской орфографии пишет с маленькой. Повтором фразы *they never would wither* (они никогда не завянут) автор акцентирует внимание читателя на основной мысли стихотворения — вере в неуязвимость дружбы как одного из самых прекрасных и дорогих чувств на земле. В стихотворении «Леопард» (*The leopard*) внимание поэтессы переносится в иную плоскость — Ида описывает восхищение, природный человеческий ужас и преклонение перед сильным и «умелым охотником», красивым и загадочным животным:

Я замираю перед взглядом твоим
он пронзает меня
разрывает на части
опаляет огнем.
Твой мех прекрасен,
черные пятна сверкают
на изумительной
шубе горчицной.

Умелый охотник
застыл для прыжка,
Царь — величественный и ловкий,
ты завораживаешь.

Чудо ли это,
что против воли моей
ты подчиняешь меня
я в твоей власти [Luvai et al., 2000, p. 43].

Леопард восхищает поэтессу своей красотой и одновременно пугает завораживающей силой «умелого охотника», «царя» саванны, дикой животной природой, сосредоточенной в застывшем прыжке, в магнетизме звериного взгляда.

В стихотворении «Переход вброд» (*Wading*) поэтесса затрагивает тему сложного и неоднородного жизненного пути, который выпадает на долю человека, «жизненной реки», которую он переходит вброд. Порой человек оказывается неподготовленным к жизни («Приходит время, и ты отправляешься в путь / иногда нет времени на сборы»), он идет, повинаясь «зову

природы», не уверенный, «что ждет его впереди», «но готовый к жертвам». Несмотря на неприятности, которые сулит нам непредсказуемая жизнь, тем не менее, мы всегда надеемся на встречу друг с другом «в лабиринте жизни»: «Мы вброд переходим эти реки / никогда не уверены, что вернемся / Но надеемся встретиться где-то / в лабиринте жизни в поиске выхода...» [Luvai et al., 2000, p. 127]. Оптимистический характер стихотворения ощущается не только в надежде на встречу людей в «лабиринте жизни», но и в финальном «поиске выхода» из лабиринта: поэтесса верит, что человек не бездумно бредет в одиночестве, натываясь на стены лабиринта, а постоянно ищет выход из сложных, запутанных ситуаций. Оптимизм и желание писать о простых вещах, одновременно радуясь им, — явление крайне редкое в стихах кенийских поэтов XX века, поэтому стихи Иды Макоха-Накхайо, представительницы нового поколения кенийских поэтов, представляются важным признаком смены художественного сознания кенийского писателя, хоть, возможно, такая поэзия и звучит пока несколько наивно. Тем не менее, немногочисленное пока творчество Макохи-Нагхайо свидетельствует о преобладании философски-лирических умонастроений поэтов XX века.

Говоря об оптимистических нотках, которые все чаще появляются в поэзии кенийской молодежи 2000-х, невозможно не вспомнить творчество Каролин Ндериту (род. 1976). Представительница шоу-бизнеса, актриса, модель, ведущая на радио и телевидении, Ндериту сегодня выступает с мастер-классами по публичному выступлению и сама нередко декламирует со сцены свои произведения. Одним своим видом книга стихов Ндериту «Играй на своем барабане» [Nderitu, 2002], яркое, красочное издание, выделяет автора как открытого и позитивного публичного человека.

Стихи Каролин Ндериту просты, ясны, лишены какой-либо двусмысленности, можно сказать, незатейливы: она вдохновенно говорит о радости жизни, о дарующей счастье и душевное спокойствие природе, о дружбе и любви.

Почему встает солнце
Почему мы встаем поутру
Откуда дыхание в нашей груди
Почему мы здесь
Надежда
Ради надежды живем
Не ради зеленой травы,
Что лежит под ногами
Не ради облака, что спокойно

Плывет над нами
Не ради теплого света солнца
И прохладой дышащего бриза
А ради надежды
Ради надежды живем
Не ради растущих манго,
Но семени ради, что брошено в землю
И даст урожай
Не ради колодца, дающего влагу
Но глянь-ка облака собираются
Будет дождь
И наполнятся реки
Реки радости
Реки мира
Жизни
Надежды
Ради надежды живем
Почему малыш хочет встать
Почему вздыхает вдова
Почему строитель
Ставит камень на камень
Рыбак отчего
Забрасывает сеть свою в озера гладь
Надежда
Ради надежды живем
Не ради вчерашнего дня
Не ради сегодня
Не ради бурлящего завтра
Надежда
Ради надежды живем
Пусть она
Нас не оставит!
«Ради надежды», (*For hope*) [Nderitu, 2002, p. 29—30].

Подобные настроения все чаще мелькают в творчестве молодых кенийских авторов рубежа веков и являются отражением положительных перемен в современном кенийском обществе. Тем не менее, они все же теряются на общем поэтическом фоне, кроме того, характерны преимущественно для женского крыла кенийской англоязычной поэзии.

В стихах Нельсона Алусалы (род. 1973) из упомянутой выше антологии оптимизм соседствует с горечью разочарований, которую ощущает поэт, вспоминая прошлое своей страны и оценивая ее настоящее. Герой стихотворения «Кровоточащие сердца» (*Bleeding hearts*) обращается к неизвестному собеседнику, называя того братом, горя желанием поделиться с ним своим ощущением скованности и рабского страха перед сильным и кровожадным врагом, в котором угадывается европейская цивилизация и неокOLONиализм:

Приди, брат, приди.
Тьма окутала нас,
Враг тихо напал... [Luvai et al., 2000, p. 212].

Герой просит собеседника «изгнать чужеземца», но внезапно осознает, что тот уже успел поддаться влиянию «врага», став его марионеткой:

О! Знаю, знаю теперь,
Ты не придешь.
Ты его слепая марионетка,
Кукла ты! [Ibid.].

Однако вскоре этот возглас сменяется другим, в котором звучит надежда героя на счастливый исход борьбы с «чужеземным врагом», поэтому так отрывисто и резко звучат последние слова стихотворения, похожие на предсмертный хрип:

Горящая пыль
Губит меня.
Но я надеюсь,
Надеюсь,
На-де-юсь! [Ibid.].

В начале нового тысячелетия молодые кенийские поэты активно пишут на тему взаимодействия европейцев и африканцев в колониальном и постколониальном пространстве, при этом заметно, как тема колониального правления переосмысливается в их творчестве.

Негативным последствиям пребывания европейцев на территории Африки посвящено стихотворение Очиенга Орвенджо (род. 1974) «Миротворцы» (*The Peacekeepers*), в котором автор осуждает лицемерную поли-

тику Запада в Африке. В самом начале стихотворения говорится, что африканцы сами способствовали приходу белых, исполнивших для чернокожих роль «няньки», окружившей Африку «предродовой заботой» — своеобразная аллегория колониального патронажа; однако, утверждает поэт, «последовой уход был невыносим»:

С грохотом сапог,
С уродливыми гигантскими ружьями,
С набитыми смертью ранцами,
С огромными танками,
С противогазами,
С острыми мечами
Они пришли,
Но сказали, что пришли с миром.
Однако мир
Надолго покинул нас! [Luvai et al., 2000, p. 224—225].

Экспрессивность в описании достигается нагнетанием образов, которое наиболее точно передает весь ужас войны, особенно в контрасте с издевательски лицемерным понятием «миротворцы» (напомним, что именно так называется стихотворение):

Битвы плач разразился.
Пушки ударили громче.
Всюду витает дух смерти [Ibid.].

В финале стихотворения автор, выступая от имени своих соотечественников, говорит о принципиальной невозможности белых сохранить на африканском континенте мир таким, каким представляется он африканцам: «мы надеялись на мир / мир чернокожего / слишком неуловим, чтобы белый хранил его». В стихотворении «Их цивилизация» (*Their civilization*) Орвенджо уже переходит на критику собственно европейской цивилизации, вскрывая лицемерную, на его взгляд, сущность европейского общества:

У них нецивилизованная цивилизация,
Они соблюдают приличия —
Молча едят за столом поодиночке.
Они любят в церкви,

Ненавидят в суде.
Их семьи — Частная жизнь —
У них мало родни.
Эгоизм их любовь, для них
Полигамия — дикость, измена — в порядке вещей
[Luvai et al., 2000, p. 211].

Позиция автора, убежденного в лицемерии и ханжестве белых, передается при помощи созданной им контрастной дихотомии («Они любят в церкви / Ненавидят в суде» или «Полигамия — дикость, измена — в порядке вещей»), оксюморона («нецивилизованная цивилизация»); аллитерации (повторение звука *s* в *theirs is uncivilized civilization, meals singly silently taken* придает высказываниям угрожающий оттенок).

Стихи Орвенджо и Алусалы — типичный пример обличительной поэзии, их творчество с легкостью обнаруживает преемственность с наиболее яркими ее образцами 60—70-х годов XX века. В этом ключе продолжают творить многие кенийские авторы, главным поэтическим кредо которых становится протест и борьба с несправедливостью.

Однако не все кенийские поэты нового поколения занимают позицию критиков и обличителей, даже когда речь заходит о социально-политических мотивах. Многие стихи англоязычных поэтов Кении рубежа веков представляют собой гимн человеку, способному найти в себе силы сопротивляться злу, стойко переносить жизненные невзгоды, вопреки любым трудностям добиться успеха и обрести счастье. Именно такой позиции придерживается Бернард Очанда-Оскар. Для героя его стихотворения «Заря» созидающей силой является любовь юноши хуту и девушки тутси — этих символов одного из самых кровавых межэтнических конфликтов современной Африки. Герой обращается к своей возлюбленной со словами:

Не плачь, Мари Мокеле, ведь рождается новая жизнь
Утри слезы ради нового дня
О, приди в объятья мои, мы ведь вместе страдали
Нас разделяли границы, барьеры
Но вот мы повстречались среди терний и дрожи.
Давай же прогоним страдания и боль
Простимся с этнической рознью, садизмом
Ведь, Мокеле, мы встретились посреди этой печали
[Ochanda-Oscar, 2001, p. 18].

Герой вспоминает, сколько лишений принесло ему жестокое противостояние двух соседних народов: «И там, Мокеле, там, в Гоме / умерли мои сестра, брат и мама». На фоне всех этих несчастий встреча двух влюбленных, принадлежащих к враждующим народам, воспринимается героем не только как способность «ухватиться за ниточку жизни» («Я, как и ты, хватаюсь за ниточку жизни»), но и как обретение утраченной надежды на мир, символом которой станет новая семья «хутутси»:

Да, мы выжили чудом —
Наши души ожили, мы обрели надежду
<...>
Я — хуту, ты — тутси, мы оба страдали
Поженимся — станем хутутси
Не плачь, не плачь, Мари
И хотя война все еще пожирает наши семьи
Мы встретились среди разрушений
Помни, мы обещали друг другу
Стать новой семьей
На заре новой жизни [Ochada-Oscar, 2001, p. 19].

Стихотворение Очанды-Оскара — яркий пример того, как меняется со временем ландшафт тем, волнующих молодых кенийских поэтов. Это уже не далекое восстание Мау-Мау (1952—1957) или война во Вьетнаме, о которых пишет Мисере Муго в далеких 60-х, а кровавый конфликт, разразившийся в недавнем прошлом, последствия которого ощущаются по сей день.

В 2000-е годы в кенийской англоязычной поэзии появляется множество новых имен, издается масса книг, в том числе сборники стихов. Кения переживает настоящий «печатный бум», что способствует притоку в кенийскую литературу «свежей крови». Стивен Партингтон, Эрик Мванги, Капкирвок Джэйсон, Эдвин Агеса — вот лишь некоторые имена представителей кенийской поэзии начала 2000-х годов. Каждую работу отличает индивидуальный, личностный подход автора к поэтическому творчеству. И вновь читатель сталкивается со знакомой парадигмой: философская рефлексия, с одной стороны, и обличительный пафос, с другой. Ярким примером такой дихотомии может служить обличительная поэзия Эрика Мванги и лирика Капкирвока Джейсона.

3. Новые формы обличительной поэзии: творчество Эрика Мванги

Книга Мванги «Собирая урожай золота» [Mwangi, 2003], оформленная яркими кричащими иллюстрациями, объединяет стихи разной тематики,

но в целом читатель не может не почувствовать весь обличительный пафос его поэзии, который выражается в том числе на формальном уровне, как, например, в стихотворении «Вечно ненавидимый» (*Forever hated*):

Blunted and hurt
Hunted and overworked
Cursed from birth
I must end my lust
Or else I'll rust...

Ослабленный и раненый,
Загнанный и измотанный,
С рождения проклятый
Мне нужно утолить свою жажду,
Иначе я стану ржавым...
[Mwangi, 2003, p. 22].

Рубленые фразы, акцент на отдельных словах, обилие аллитераций — эти стихи словно физически хотят пробиться в сознание читателя. Лексика, описывающая негативные состояния или действия (раненый, загнанный, измотанный, проклятый — в оригинале: *hurt, hunted, overworked, cursed*), способствует созданию гнетущей атмосферы.

Поэзия Мванги — это пример проникновения молодежной субкультуры в кенийскую англоязычную поэзию: его стихи сродни речитативу рэп-поэзии с четко обозначенными рифмами, размером с характерной цезурой и ярко выраженными ударными гласными:

Silk suits and a Mercedes Benz
The world's greed has no end
Substitute blood money for solutions
Results in needless pollution

Шелковые костюмы, / дорогая машина
Мирская жадность / не знает вершины
Кровавые деньги / взамен решений
Приводят к ненужности / осквернений
«Марионетки» (Puppets)
[Mwangi, 2003, p. 16].

Тема разрушения, гниения, тлена смерти — доминирующая черта творчества Мванги. Так, в вышеприведенном стихотворении читаем дальше:

Нечего больше рассчитывать на политиков,
Ведущих экономику к гибели
Все равно, что добровольно ко дну пойти
Порнография объявлена свободой слова,
Мир постоянными войнами скован
Религия, что должна служить пониманию,
Стала профессией, а не призванием
Ищут популярности,
Миллиардами откупаясь

Марионетки заполнили библиотеки
Законы творятся мошенниками
В полиции одни пьяницы блаженствуют
Суд — бомба замедленного действия
Мы ступаем точно по краю лезвия
Как по вулканам или в центре торнадо
Бандиты не ослабят никогда
Удавку цен на шее мира
Кто-то более властный остановить это в силах
[Mwangi, 2003, p. 16].

Слова *dying, blood, rape, thug* (смерть, кровь, насилие, убийца) кочуют у Мванги из стихотворения в стихотворение. Всеобщее моральное разложение, бесчеловечность, тотальное непонимание — вина, возлагаемая лирическим героем Мванги на общество; поэта страшит бездушные люди, он полон фрустрации и неверия:

Кружусь, не заботясь,
Где приземлиться
Я догадался
Никто не поймет,
Что я мог разбиться,
Что потеряю все, что имел!
<...>
Кому есть дело, что будет завтра?
Стоит ли мне объяснять,
Зачем я хочу жить, не умирать?
Для бездушного общества
Разве значит, кем я хочу стать?
Благие деяния не замечают,
Зачем напрягаться?
Зачем притворяться?
Может к дьяволу в слуги податься?
Как могу я испытывать гордость?
Мое будущее сплошное притворство
Сможет ли кто-то понять,
Что я на исходе?
«Никто не понимает» (*Nobody understands*)
[Mwangi, 2003, p. 31].

Ощущение фрустрации, потерянности и неверия в каждой строчке таких стихотворений, как «Сильнее меня» (*Beyond my control*), «Падшие герои» (*Fallen heroes*), «Чувство вины» (*Guilty Conscience*), «Без корней» (*Rootless*), «Пустота» (*Emptiness*), «Невыразимая агония» (*Indescribable agony*) — уже в самих названиях стихов Эрика Мванги чувствуется отчаяние лирического героя и протест против современного мироустройства. Стихи Мванги — это обличительная речь молодого человека, в которой он обвиняет общество, построенное на лжи, притворстве, крови; это обвинение, которое герой его поэзии выдвигает миру, где правят деньги, а жизнь человека потеряла ценность:

Образы смерти наполняют мою душу
Это не мой выбор
Это сильнее меня
Я закрываю глаза.
Отвергая мир, в котором живу
«Сильнее меня»
(*Beyond my control*) [Mwangi, 2003, p. 28].

Эрик Мванги — достойный продолжатель традиций протестной поэзии второй половины XX века. Однако обличительная поэзия Мванги 2000-х годов с характерными чертами социальной и политической ангажированности претерпела значительные изменения на формальном уровне: для нее характерны присутствие рифмы, которой так пренебрегали поэты старшего поколения, и явные признаки молодежной субкультуры, прежде всего декламационной поэзии, наиболее ярко выраженной в рэп-культуре. Да и в целом поэзия Мванги во многом агрессивнее наиболее показательных образцов протестной поэзии XX века.

4. Элегическая поэзия Капкирвока Джейсона как пример философски-лирического направления кенийской поэзии новейшего времени

Помимо протестных настроений, сохранившихся, как видим, и в поэзии 2000-х, продолжает заявлять о себе и философски-лирическое направление.

Так, поэт, кolumnист и общественный деятель Капкирвок Джейсон в своем сборнике стихов «Пульсация разума» [Jason, 2001] пускается в философские размышления о жизни и смерти, быстротечности времени, уходящей молодости, неисполненных мечтах, во многом напоминая классика кенийской англоязычной поэзии, семидесятника Джареда Ангиру. Приве-

дем примеры, позволяющие читателю почувствовать минорные настроения поэзии Капкирвока Джейсона:

Я камешек в бесконечном потоке жизни,
Принесенный бурлящим теченьем,
Чтобы прикорнуть в песках времени
Нежных, мягких, забытых
И смотреть, как жизнь проносится мимо.
Чему безмятежность научит меня?
«Галька, застрявшая в песках времени»
(*A pebble in the sands of time*) [Jason, 2001, p. 18].

Дни несутся
Заветная молодость гаснет
И я чувствую, как умираю день за днем
И все больше лелеемых воспоминаний
О том, что ушло.
«Молодость» (*Youth*) [Jason, 2001, p. 36].

Мы страдаем, мы надеемся, страдаем и надеемся вновь
Мы умираем, мы молимся, умираем и молим о переменах
Мы спим, мы грезим, спим и вновь предаемся мечтам
Мы умоляем, мы жаждем страстно, молим и ждем перемен.
«Страдаем...надеемся...мечтаем»
(*We suffer...we hope...we dream*) [Jason, 2001, p. 59].

Вселенской скорби и тоске, неизменно присутствующим в лирике Джейсона, непременно сопутствуют философические умонастроения лирического героя его стихов: человек страдает, он на грани смерти, но все же надеется, мечтает; а прибитый течением голыш, погруженный теперь в вязкий песок, обреченный на вечное спокойствие — так ли он счастлив в своем одиночестве и безмятежности? Тема желаемого одиночества, стремления человека спрятаться от всех невзгод и бурь мира в некое подобие убежища, побыть наедине с собой (лирический герой поэзии Джейсона видит это настоящим подарком для себя) — чрезвычайно актуальна для творчества Капкирвока Джейсона:

Одному, одному, просто одному
Помечтать о своем

Собратся с мыслями
Посеять зерна бесконечных обетов,
Чтобы снова собрать урожай обещаний,
Пока время отмеривает все больше насмешек
«Один» (*Alone*) [Jason, 2001, p. 35].

5. Заключение

Таким образом, мы видим, что кенийские англоязычные поэты рубежа XX—XXI веков во многом демонстрируют преемственность традиций, заложенных авторами старшего поколения. Так, практически без изменений сохраняется типологическая дихотомия кенийской англоязычной поэзии: социально-политическое и философски-лирическое направления как основные в творчестве кенийских поэтов. В стихах на социально-политическую тематику молодые кенийские поэты не только вспоминают о давних взаимоотношениях Европы и Африки, давая свою оценку историческим событиям (как Алусала или Орвенджа), но и говорят об общечеловеческих ценностях, не оставаясь в стороне от локальных конфликтов сегодняшних дней, вызванных межэтнической рознью, таких как столкновение тутси и хуту в Руанде в 1990-х, о котором в 2000-х пишет Очанда-Оскар. Стоит отметить, что социально-политической поэзии авторов нового поколения в равной степени чужда «лозунговость» и прямолинейность образов, характерные для политической поэзии 60—70-х годов XX века. Конкретизация заменяется большей образностью, метафоричностью. В целом важно отметить, что при сохранении двух ключевых тенденций кенийской англоязычной поэзии художественный стиль, манера изложения в творчестве авторов нового поколения существенно меняются, берутся на вооружение принципиально новые художественные средства, как в случае с поэзией Мванги.

Отдельно важно отметить, что в стихах авторов 2000-х все чаще появляется рифма (Бернард Очанда-Оскар, Эрик Мванги) — увлечения кенийских англоязычных поэтов старшего поколения модернистской поэзией Запада, в частности верлибром, сменяются в творчестве молодых авторов новым отношением к классическим законам стихосложения, для многих рифма становится важнейшим художественным средством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фролова Н. С. Столкновение Востока и Запада : восточноафриканский взгляд. Англоязычная лирика Джареда Ангире и поэзия протеста Мисере Муго / Н. С. Фролова // Встреча Востока и Запада: взаимодействие литератур и традиций. — Москва : ИМЛИ РАН, 2020. — С. 75—90.

2. *Angira J. Juices* / J. Angira. — Nairobi, 1970. — 63 p.
3. *Angira J. Silent voices* / J. Angira. — Nairobi, 1972. — 88 p.
4. *Angira J. Soft corals* / J. Angira. — Nairobi, 1973. — 155 p.
5. *Angira J. Cascades* / J. Angira. — Nairobi, 1979. — 143 p.
6. *Jason K. Heartbeats of the mind* / K. Jason. — Nairobi, 2001. — 59 p.
7. *Luvai A. Echoes across the valley* / A. Luvai, K. Makokha (eds.). — Nairobi, 2000. — 258 p.
8. *Macgoye M. O. Make it sing and other songs* / M. O. Macgoye. — Nairobi, 1998. — 112 p.
9. *Mugo M. Daughter of my people, sing!* / M. Mugo. — Nairobi, 2016. — 87 p.
10. *Mugo M. My mother's poem and other songs* / M. Mugo. — Nairobi, 1994. — 85 p.
11. *Mwagiru M. Screams from a strangled soul* / M. Mwagiru. — Nairobi, 1980. — 85 p.
12. *Mwangi E. Harvesting gold* / E. Mwangi. — Nairobi, 2003. — 100 p.
13. *Nderitu C. Play your drum* / C. Nderitu. — Nairobi, 2003. — 64 p.
14. *Ochanda-Oscar B. Aurora Kigali* / B. Ochanda-Oscar // *Mwangaza: The Journal of Literature Students Association*. — 2001. — Volume 2, Number 1. — P. 18—19.
15. *Toweett T. Epitaph to colonialism and other poems* / T. Toweett. — Nairobi, 1980. — 87 p.
16. *Yambo M. Man without blood* / M. Yambo. — Nairobi, 1977. — 76 p.

ANGLOPHONE POETRY IN KENYA AT THE TURN OF THE CENTURY: PAST EXPERIENCE AND ARTISTIC TRANSFORMATION

© **Natalia S. Frolova (2021)**, orcid.org/0000-0003-3155-413X, PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (IMLI RAS) (Moscow, Russia), samaki@mail.ru.

The main trends in the development of the English-language poetry of Kenya at the turn of the XX—XXI centuries are considered. The main material is a collection of poems by Kenyan poets, first published in the early 2000s. Particular attention is paid to the ideological and artistic transformation in the work of the young generation of Kenyan poets of the key directions in the development of Kenyan English-language poetry, which developed in the first half of the XX century. The novelty of the research lies in the conclusion about the continuity of the experience of the older generation poets by the English-speaking Kenyan poets, which is expressed in the development of two key directions of the development of Kenyan English-language poetry: socio-political and philosophical-lyric. At the same time, a fundamental change in the artistic method and style transformation is noted in the work of the new generation of Kenyan authors: unlike their predecessors, young Kenyan poets are increasingly gravitating towards the use of rhyme, expressed allegory and imagery, and also adopting previously untested techniques, for example, the use of elements of youth subculture. New material has been brought in, many names are first introduced into the everyday life of domestic and world African studies.

Key words: English poetry of Kenya; literature of the XXI century; poetry of protest; accusatory poetry; philosophical lyrics; Ida Makokha-Nagayo; Nelson Alusala; Eric Mwangi; Caroline Nderitu; Trap Jason.

REFERENCES

- Angira, J. (1970). *Juices*. Nairobi. 63 p.
- Angira, J. (1972). *Silent voices*. Nairobi. 88 p.
- Angira, J. (1973). *Soft corals*. Nairobi. 155 p.
- Angira, J. (1979). *Cascades*. Nairobi. 143 p.
- Frolova, N. S. (2020). Stolknoveniye Vostoka i Zapada: vostochnoafrikanskiy vzglyad. Angloyazychnaya lirika Dzhareda Angiry i poeziya protesta Misere Mugo [The Clash of East and West: An East African View. Jared Angira's English lyrics and Misere Mugo's protest poetry]. In: *Vstrecha Vostoka i Zapada: Vzaimodeystviye literatur i traditsiy* [Meeting of East and West: Interaction of literature and tradition]. Moskva: IMLI RAN. 75—90. (In Russ.).
- Jason, K. (2001). *Heartbeats of the mind*. Nairobi. 59 p.
- Luvai, A., Makokha, K. (eds.). (2000). *Echoes across the valley*. Nairobi. 258 p.
- Macgoye, M. O. (1998). *Make it sing and other songs*. Nairobi. 112 p.
- Mugo, M. (1994). *My mother's poem and other songs*. Nairobi. 85 p.
- Mugo, M. (2016). *Daughter of my people, sing!* Nairobi. 87 p.
- Mwagiru, M. (1980). *Screams from a strangled soul*. Nairobi. 85 p.
- Mwangi, E. (2003). *Harvesting gold*. Nairobi. 100 p.
- Nderitu, C. (2003). *Play your drum*. Nairobi. 64 p.
- Ochanda-Oscar, B. (2001). Aurora Kigali. *Mwangaza: The Journal of Literature Students Association*, 2/1: 18—19.
- Toweett, T. (1980). *Epitaph to colonialism and other poems*. Nairobi. 87 p.
- Yambo, M. (1977). *Man without blood*. Nairobi. 76 p.